

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

1 (78)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия в мировой экономике и финансах
Russia in World Economy and Finance

Грядет ли «зеленая экономика»?
Will «Green Economy» Come True?

Гражданская активность в России сегодня
Civil Activity in Today's Russia

Инновационная стратегия России
Russia's Innovation Strategy

Германия и Калининградская область
Germany and Kaliningrad Region

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2013

Юрий Иванович Игрицкий
Россия и современный
мир №1 / 2013

Серия «Журнал «Россия и
современный мир»», книга 78

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38616748

Россия и современный мир №1 / 2013:

Аннотация

Профиль журнала – анализ проблем прошлого, настоящего и будущего России их взаимосвязи с современными глобальными и региональными проблемами. Журнал имеет многоплановый, междисциплинарный характер, публикуя материалы по истории, социологии, философии, политической и экономической наукам. Ключевые рубрики – «Россия и мир в XXI веке» и «Россия вчера, сегодня, завтра».

Содержание

Россия и мир в XXI веке	4
Российские национальные интересы и новая система глобального регулирования финансовой сферы	4
Концепция устойчивого развития «зеленой экономики»: возможности реализации в России	33
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Россия и современный мир №1 / 2013

Россия и мир в XXI веке

Российские национальные интересы и новая система глобального регулирувания финансовой сферы

Б.А. Хейфец

Хейфец Борис Аронович – профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭ РАН.

Системный кризис в мировой экономике и происходящие в ней перемены требуют качественных сдвигов в межгосударственном сотрудничестве по регулированию мировой экономики. На смену модели, определяемой координацией национальных экономических и финансовых политик с элементами более тесного межгосударственного взаимодействия в тех или иных секторах экономики или регионах, ве-

роятно, приходит модель активного глобального регулирования с расширяющимся спектром делегирования на наднациональный уровень суверенных полномочий. Этот процесс, который будет достаточно длительным и противоречивым, в первую очередь касается финансовой сферы, которая стала катализатором современного кризиса.

В связи с изменениями, происходящими в глобальной экономике, для России важно выработать свою стратегию участия в формирующейся новой системе глобального регулирования с учетом ее национальных интересов в ближайшей и более отдаленной перспективе, прежде всего в процессах реформирования международной валютно-финансовой системы (МВФС). Можно выделить, по крайней мере, три причины, которые заставляют активизировать работу в этом отношении.

1. Макроэкономические угрозы для финансовой стабильности, которые возрастают в связи с глобальными финансовыми потрясениями и отсутствием реальных структурных реформ в российской экономике.

2. Председательство России в G 20 и необходимостью выдвижения новых инициатив по глобальному регулированию.

3. Новая роль России в клубе БРИКС, позиции участников которого по реформе МВФС во многом совпадают.

Рассмотрим эти вопросы подробнее.

1. Проблемы макроэкономической стабильности

Россия сейчас в отличие от многих развитых экономик отличается хорошими макроэкономическими показателями. Это, прежде всего, выражается в низком уровне соотношения государственного долга и ВВП (11,8% в 2012 г. – см. рис. 1), относительно высокими темпами роста ВВП (3,9% в среднем за 2007–2011 гг.), значительными золотовалютными резервами (более 537 млрд. долл. на начало 2013 г.), бездефицитном или мало дефицитном государственном бюджете (-0,25% ВВП в 2012 г.). При господствующем технологическом укладе сильным конкурентным преимуществом России является наличие обильных запасов нефти, газа и ряда других полезных ископаемых. Это позволяет ей занимать девятое место в мире по объему экспорта (2011).

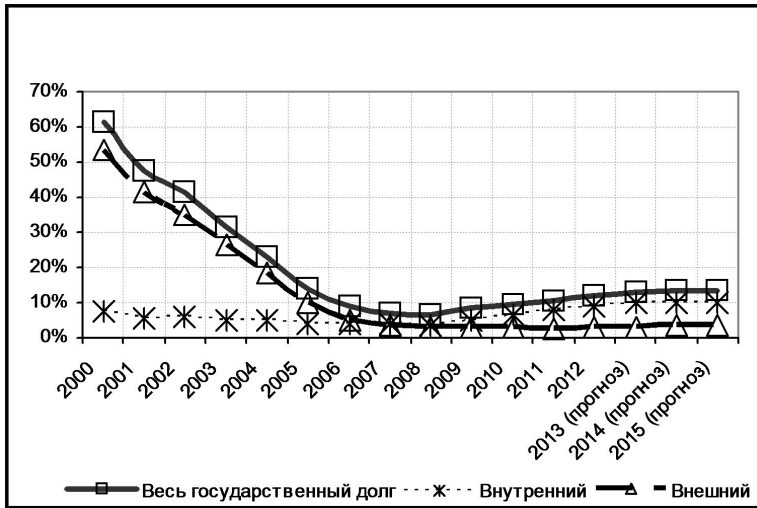

Рис. 1. Изменение объема суверенных обязательств по отношению к ВВП в России, %, на конец года

Источник: Данные банка России (<http://www.cbr.ru>).

Вместе с тем положение России в мировой экономике достаточно неустойчиво. Оно сильно зависит от ценовой конъюнктуры на основные экспортные товары. Не случайно на пике первой волны кризиса в 2009 г. в России наблюдалось одно из самых сильных в мире падений ВВП (-7,8%).

Расчеты Минэкономразвития показывают, что в 2015 г. текущий счет уйдет в минус на 0,5% ВВП. Сальдо текущего счета станет отрицательным в 2015 г. и по прогнозу ЦБ. Оба ведомства, соответственно, прогнозируют, что минус теку-

щего счета будет компенсирован чистым притоком капитала [5].

Однако пока наблюдается его отток. В 2008–2012 гг. чистый вывоз капитала частным сектором составил около 360 млрд. долл. При этом чистый приток частного капитала за всю историю современной России наблюдался только в 2006–2007 гг.

Правда, в последнее время появляются попытки представить феномен оттока капитала как неоднозначное явление, имеющее и положительные стороны. В качестве последних называется облегчение усилий по поддержанию относительно стабильного курса рубля, укрепление бизнесом своих позиций в глобальной экономике, более эффективное использование капитала за рубежом по сравнению с инвестированием в национальную экономику, где не так просто найти привлекательные проекты.

Но вряд ли стоит принижать значение этого явления, как это сделали в своем совместном исследовании (декабрь 2012 г.) РФПИ, Ernst & Young и Центр национального интеллектуального резерва МГУ. Их эксперты посчитали, что «реальный» размер вывоза капитала из России завышен минимум вдвое. По мнению этих экспертов, данные ЦБ не учитывают экономической сущности оттока капитала – сделки по слияниям и поглощениям российскими компаниями иностранных активов; погашение российскими предприятиями долга, привлеченного за рубежом без его рефинансирова-

ния; реинвестиция доходов, заработанных дочерними компаниями-нерезидентами в отдельно взятом году и др. А вывоз прямых инвестиций в офшорные юрисдикции является обычными трансакциями в рамках международных холдингов, которые не оказывают негативного эффекта на экономику России [4]. Такие оценки весьма уязвимы, так как расчеты ЦБ базируются на данных платежного баланса, где при расчете *сальдо* уже учитывается приток капитала. Кроме того, значительная часть чистого оттока капитала сейчас во многом определяется объемом так называемых сомнительных операций, к которым относятся своевременно не полученная экспортная выручка и не поступившие товары в счет переводов денежных средств по импортным контрактам, не полученные услуги в счет перевода денежных средств по импортным контрактам, переводы по сомнительным операциям с ценными бумагами, переводы по сомнительным операциям с предоставляемыми кредитами. На сомнительные операции в 2011 г. пришлось 32,2 млрд. долл., а в 2012 г. – 35,1 млрд. долл. [8]. Доля сомнительных операций в чистом вывозе капитала частным сектором в 2012 г., по предварительным оценкам, составила 61,8% (см. табл. 1). Не учитывают данные о вывозе капитала частным сектором и использование трансфертных цен. Между тем, как показывает мировая практика, трансфертные цены используются примерно в половине всех внешнеторговых операций.

Таблица 1

ФОРМЫ ЧИСТОГО ВЫВОЗА / ВВОЗА КАПИТАЛА ЧАСТНЫМ СЕКТОРОМ В 2012 г. (ОЦЕНКА), млрд. долл.

Чистый ввоз (+) / вывоз (-) капитала частным сектором, включая ошибки и пропуски	-56,8
1. Чистый ввоз (+) / вывоз (-) капитала банками	23,6
1.1. Иностранные активы, всего	-15,9
Прямые инвестиции	-6,3
Прочие инвестиции	-9,7
1.2. Иностранные пассивы, всего	39,5
Прямые инвестиции	7,9
Портфельные инвестиции	31,7
2. Чистый ввоз (+) / вывоз (-) капитала прочими секторами, включая ошибки и пропуски	-80,4
2.1. Иностранные активы, всего	-98,9
Прямые инвестиции	-44,1
Прочие инвестиции	-1,3
Наличная иностранная валюта	-2,5
Сомнительные операции	-35,1
Прочие инвестиции	-16,0
2.2. Иностранные пассивы, всего	28,9
Прямые инвестиции	38,9
Портфельные инвестиции	-8,0
Суды и займы	2,6
Прочие обязательства	-4,6
2.3. «Чистые ошибки и пропуски» платежного баланса	-10,4

Источник: Данные Банка России (www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital).

А о таких негативных последствиях утечки капитала как существенное сокращение налоговой базы российского бюджета и сокращение возможностей создания новых рабочих мест и говорить уже не приходится.

Другой реальный альтернативный способ «выправить» баланс текущего счета в ближайшей перспективе – девальви-

ровать рубль, что приведет к увеличению в рублевом выражении доходов от экспорта и сокращению импорта. Но такой путь вызовет ускорение инфляционных процессов, со всеми вытекающими из этого негативными процессами в отношении уровня жизни населения и возможностями реального экономического роста.

Не приходится серьезно рассчитывать и на резервные фонды, объем которых в 2012 г. был ниже уровня его пика в 2008 г. (см. рис. 2).

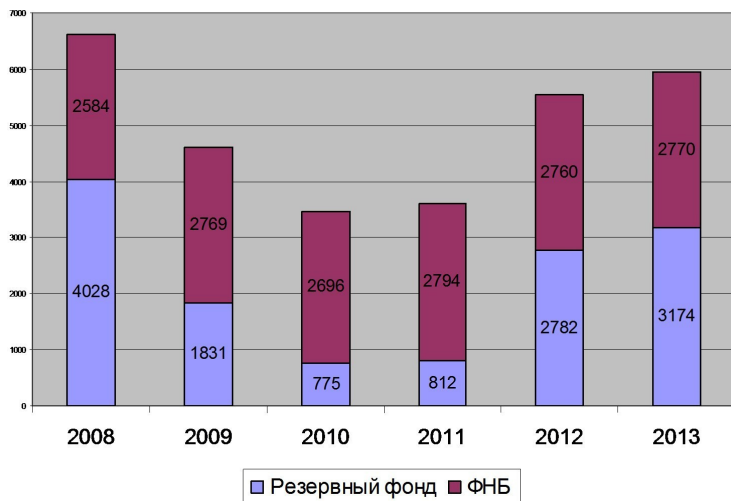

Рис. 2. Изменение объемов Резервного фонда и Фонда национального благосостояния в 2008–2012 гг. и прогноз на

перспективу 2013–2015 гг., конец года (млрд. руб.)

Источник: Основные направления государственной долговой политики Российской Федерации на 2013–2015 гг. – М.: Минфин РФ, 2012. – С. 8.

И в дальнейшем Минфин, если не будет чрезвычайных ситуаций, предполагает наращивать резервные фонды. Это связано с тем, что при ухудшении экономической конъюнктуры средств Резервного фонда России хватит на 1,5 года при цене нефти в 60 долл. и на четыре года при цене барреля в 80 долл. [10]. Поэтому предполагается увеличить его объем, который по прогнозам, в 2015 г. уже может составить 140 млрд. долл. (по прогнозируемому курсу 33,7 руб. за 1 долл.) против прогнозировавшихся 91 млрд. долл. в 2012 г. (реально на начало 2013 г. объем резервного фонда составил 62 млрд. долл., или 1886 млрд. руб., т.е. не сбылись даже краткосрочные прогнозы по получению небольшого бюджетного профицита в 2012 г.).

Вместе с тем вызывает сомнение необходимость таких существенных размеров Резервного фонда. По данному вопросу разошлись даже ведомственные позиции – Минфина, отвечающего за стабильность финансового положения, и Минэкономразвития, главным приоритетом которого является экономический рост. Как известно, выиграл Минфин пролоббированный принятый в декабре 2012 г. закон о бюджетном правиле [12]. Этот закон предусматривает направ-

ление дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета в Резервный фонд до достижения его нормативной величины в размере 7% от прогнозируемого на соответствующий финансовый год объема ВВП. Сверх этого рубежа до 50% средств могут быть направлены на инфраструктурные и другие приоритетные проекты, а неиспользованный остаток поступит в Фонд национального благосостояния. Проигравшее Минэкономразвития говорило о возможности ограничения предельной величины для прекращения наполнения Резервного фонда – 5%. Как заявлял заместитель министра экономического развития РФ А. Клепач, размер резервов выше 5% ВВП является «избыточной величиной». По его мнению, резервные накопления – это вычет из экономического роста, а избыточные сбережения не повысят, а понизят устойчивость экономики [1]. Любопытно, что в новом прогнозе социально-экономического развития России до 2030 г. Минэкономразвития использовало смягченное бюджетное правило в 5%, предусматривая использование сверхнормативных средств для реализации инфраструктурных проектов [11].

Кроме того, увеличение размеров финансовых резервов таит риск их постепенного обесценения в результате развития инфляционных процессов в насыщаемой не обеспеченными долларами и евро мировой экономике. В связи с возросшими валютными рисками Россия все больше рискует превратиться в скупого рыцаря, который, скопив несметные

богатства, может остаться «на бобах», потеряв значительную часть своих запасов в огне нового кризисного пожара.

2. Председательство России в G 20

Особые задачи встают перед Россией в связи с ее председательством в G 20, которое началось 1 декабря 2012 г. Помимо нее в G 20 входят 19 крупнейших экономик мира и Евросоюз, которые формируют основную часть глобальной экономики. На G 20 приходится 90% мирового ВВП и 80% мировой торговли. Хотя G 20 была создана в 1999 г., свое второе рождение она получила в 2008 г., когда начала активно действовать в разгар мирового экономического кризиса.

В связи с этим Россия, *с одной стороны*, должна решать общие задачи координации усилий ведущих мировых экономик по глобальному регулированию финансовой сферы, в последние годы она выдвигала ряд интересных инициатив в этой сфере. К ним можно отнести предложение создать глобальный совет аккредитации и лицензирования рейтинговых агентств, глобальную систему идентификации юридических лиц, участвующих в финансовых транзакциях и некоторые другие. Россия призывала к более ответственному поведению стран, эмитирующих резервные валюты, к активизации действий мирового сообщества по регулированию и надзору за финансовыми институтами, особенно в отношении их недобросовестного поведения, в том числе в отно-

шении фальсификации отчетности, усиление требований к качеству достаточности капитала, введения специальных режимов и санации и т.п. Часть из них была реализована или реализуется в настоящее время, а часть осталась не востребованной. В этой связи встает задача мониторинга за выполнением странами G 20 договоренностей по внедрению инструментов регулирования финансового рынка и по стимулированию экономического роста.

С другой стороны, Россия может повлиять на выработку приоритетов политики G 20 с учетом своих интересов. В данной связи очень важно определить центральные вопросы для обсуждения на различных уровнях G 20. Эти вопросы еще обсуждаются, но пока можно выделить две группы проблем, представляющие особый интерес для России. Эти вопросы будут включены в повестку дня для обсуждения на саммите G 20 летом 2013 г. в Санкт-Петербурге.

Вопросы инвестиций, источников инвестиций и экономического роста, особенно в условиях нестабильности и турбулентности экономики

Еще в вышедшем в конце 1970-х годов докладе «Будущее мировой экономики», подготовленном группой экспертов ООН под руководством лауреата Нобелевской премии Василия Леонтьева, отмечалась тесная зависимость между уровнем накопления и темпами роста. Как писали авторы до-

клада, темпы роста, равные 4–6%, могут быть достигнуты при средней норме сбережения (инвестиции к ВВП), не превышающей 20%. Темпы роста в 7–8% соответствуют норме сбережения примерно в 30%, тогда как устойчивых темпов роста в 9–10% или выше нельзя добиться, пока эта норма не поднимется выше 35–40%.

В настоящее время в связи с изменением структуры цен появились новые расчеты, которые говорят о необходимости еще больших инвестиционных затрат. Так, по оценкам экспертов McKinsey, в настоящее время для каждого 1% роста экономики необходимо увеличение объема инвестиций к ВВП на 2,5%, т.е. динамично растущие страны нуждаются в более активном инвестировании.

На Давосском форуме (январь 2013 г.) Д. Медведев заявил, что для достижения желаемых показателей роста экономики в 5% инвестиции должны расти несколько лет подряд хотя бы на 10% ежегодно [3].

Доля инвестиций в основной капитал в России по отношению к ВВП в 2011 г., по оценкам экспертов Всемирного банка, достигла 25%, что почти в 2 раза уступает аналогичному показателю Китая и почти в 1,5 раза – Индии и Вьетнама, в 1,4 раза – Индонезии (см. табл. 2). Этим во многом объясняются более высокие темпы роста ВВП данных стран по сравнению с Россией.

Таблица 2

ТЕМПЫ ЕЖЕГОДНОГО ПРИРОСТА ВВП И ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ ВАЛОВОГО НАКОПЛЕНИЯ В КРУПНЫХ БЫСТРО РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Страны	Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Россия	ВВП, в % к предыдущему году	6,4	8,2	8,6	5,3	-7,8	4,0	4,3
	Инвестиции / ВВП, %	20	21	24	26	19	23	25
Индия	ВВП, в % к предыдущему году	9,3	9,3	9,8	3,9	8,2	9,6	6,9
	Инвестиции / ВВП, %	35	36	38	34	37	35	36
Китай	ВВП, в % к предыдущему году	11,3	12,7	14,2	9,6	9,2	10,4	9,3
	Инвестиции / ВВП, %	42	43	42	44	48	48	48
Индонезия	ВВП, в % к предыдущему году	5,7	5,5	6,3	6,0	4,6	6,2	6,5
	Инвестиции / ВВП, %	25	25	25	28	31	33	33
Вьетнам	ВВП, в % к предыдущему году	8,4	8,2	8,5	6,3	5,3	6,8	5,9
	Инвестиции / ВВП, %	36	37	43	40	38	39	35

Источник: База данных Всемирного Банка (<http://data.worldbank.org/indicator>).

В ближайшем будущем возможности быстрого роста инвестиций в России будут лимитированы. Это касается как государственных, так и корпоративных инвестиций. Ограничениями для государственных инвестиций являются дефицит бюджета и нехватка ресурсов пенсионного фонда, которые должны будут покрываться за счет бюджетных доходов, необходимость выполнения взятых социальных обязательств, высокий уровень госрасходов, необходимость поддержания резервов в связи с затягивающимся кризисом в

глобальной экономике, хотя вопрос о величине резервов является достаточно дискуссионным.

Объем внутренних длинных денег в России не такой большой, как в других странах. Объем пенсионных фондов, страховых фондов и ПИФов в США составляет 200% ВВП, в среднем по миру – 120% ВВП, а в России – 8% ВВП [6].

В то же время Россия сейчас реально может предложить мировой экономике, в частности, *усиление инвестиционного взаимодействия* в большей мере, чем наращивание экспорта своих традиционных товаров, сильно зависящих от внешнеторговой конъюнктуры. По оценкам экспертов КРМГ, у России в 2008–2010 гг. доля в мировых потоках привлеченных инвестиций (3,6%) и вывезенных из страны ПИИ (4,0%) превышала долю страны в мировом экспорте (2,9% в 2011 г.). В свою очередь расширение инвестиционного сотрудничества дает синергетический эффект, вызывая увеличение торговых и других экономических взаимосвязей, что потребует изменения законодательства, реформ кредитных учреждений и т.п.

Среди важнейших тем в данной связи возникает плохой инвестиционный климат в России, которая в рейтинге Doing Business 2012–2013 заняла только 112-е место среди 185 стран мира. Однако эта проблема не столь однозначна. Китай, например, в этом рейтинге занял 91-е место, т.е. сравнительно недалеко от России, но в то же время вышел в 2011 г. на первое место в мире по объему привлеченных

ПИИ (124 млрд. долл.). По данным опубликованного в августе 2012 г. опроса Ernst & Young, большинство иностранных инвесторов планируют расширять свои российские портфели. По сравнению с прошлым годом инвестиционная привлекательность страны повысилась на 8 пп. и показала самый высокий рост в мире. Как отмечают в Ernst & Young, инвесторы не утрачивают доверия к российскому рынку, даже несмотря на негативные последствия кризиса в еврозоне. Почти 80% из них планируют расширять свою деятельность в России или сохранить ее на прежнем уровне. В первую очередь их привлекают возможности внутреннего рынка (75%), уровень образования (66), телекоммуникационная инфраструктура (64), сбалансированная стоимость рабочей силы (61) и квалификация трудовых ресурсов (56), богатые природные ресурсы (43%). Одновременно 70% компаний, еще не успевших поработать на российском рынке, не готовы вкладывать в него свои деньги [9].

Во многом такие выводы связаны с тем, что соотношение прибыль / риски в России достаточно высока. И те компании, которые почувствовали это, готовы расширять свой бизнес в России. Кроме того, Россия имеет ряд хороших макроэкономических показателей, что стратегически важно в условиях неблагоприятной ситуации в мировой экономике.

В то же время в упомянутом исследовании Ernst & Young, а также в ряде других работ отмечаются проблемы, которые требуют серьезных усилий для своего решения. Среди

них – политическая, законодательная и административная среда; плохая транспортно-логистическая инфраструктура; крайне низкий уровень НИОКР в компаниях, слабость системы НИОКР и неразвитая инфраструктура, низкая культура предпринимательства, отсутствие налоговых стимулов, мотивирующих к созданию нового бизнеса, особенно в технологичных отраслях.

Решая свои проблемы, Россия может привлечь внимание международного сообщества к необходимости роста инвестиций в развивающиеся страны для обеспечения большей сбалансированности мирового развития и ликвидации возникших глобальных диспропорций. Это особенно актуально, так как в мире обостряется борьба за инвестиции, потребность в которых возрастает в связи с переходом на новую ступень технологического развития и исчерпанием возможностей в развитых странах модели экономического роста на основе традиционного стимулирования спроса.

Вопросы управления долгом и выработка новых рекомендаций по управлению государственным долгом и национальными заимствованиями

Россия здесь может предложить международному сообществу ввести определенные ограничения по уровню долговой нагрузки, прежде всего стран, играющих ведущую роль в мировой экономике и несущих особую ответственность за

ее стабильное развитие. При этом обычно использующийся соответствующий критерий Маастрихтского соглашения (60%), который уже не соблюдается большинством членов ЕС, может быть пересмотрен в сторону увеличения (до 80–90%). Другой вопрос, какие меры воздействия могут быть применены к «нарушителям» таких договоренностей. Как показывает старый опыт стран еврозоны, очень трудно применить на практике реальные экономические санкции. Не случайно, страны ЕС решили пойти по пути бюджетной консолидации и ужесточить свою политику в этой сфере, передав значительные полномочия по регулированию на межгосударственный уровень. Новый «Договор стабильности, координации и управления» предполагает ужесточение контроля и наказания за нарушения присоединившихся к бюджетному пакту 25 стран ЕС за счет изменения конституций и других законодательных актов, что делает возможным судебное рассмотрение нарушений принятых норм. Однако реализация бюджетного пакта на практике уже встречает серьезные трудности.

Достижение благоприятных показателей по уровню долговой нагрузки достались России дорогой ценой. Существенно возросли выплаты по внешнедолговым обязательствам, прежде всего за счет выплат по корпоративной задолженности, почти 40% которой приходится на квазисуверенную задолженность (долг корпоративных структур с госучастием). Долговые платежи за 2008–2011 гг. составили

730 млрд. долл. против 82 млрд. долл. за 2005–2007 гг. [5].

При этом корпоративный долг увеличился по сравнению с докризисным периодом. В 2008 г. он был 424,9 млрд. долл., а на 1 января 2013 г. составил 554,5 млрд. долл. (см. рис. 2). В то же время российские власти не планируют регулировать объемы заимствований российских госкомпаний в иностранной валюте. Как заявил министр финансов РФ А. Силуанов, пока оснований для этого нет. Внешний госдолг с учетом заимствований госкомпаний около 530–550 млрд. долл. – это примерно тот объем, который был у нас до 2008 г., сейчас он практически не увеличился, эта цифра нас не беспокоит, тем более, что она полностью обеспечена нашими золотовалютными резервами [2]. Но должно ли государство проводить патерналистскую позицию по отношению к бизнесу и фактически поощрять его просчеты и неэффективную деятельность за счет других налогоплательщиков? Это большой вопрос. А здесь существует проблема не только прямой, но и косвенной поддержки. Ведь не секрет, что значительную часть займов, размещаемых на внешних рынках, выкупают госбанки. Они же кредитуют и инкорпорированные за рубежом холдинговые центры, контролирующие активы в России.

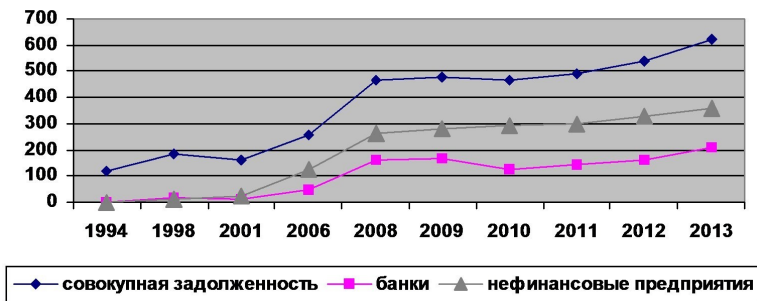

Рис. 3. Динамика совокупной внешней задолженности России, внешней задолженности банков и нефинансовых предприятий, начало года, млрд. долл.

Источник: Данные Банка России (<http://www.cbr.ru>).

Быстро наращивается *суверенный внутренний* долг, который сейчас уже составляет 75% всего госдолга. Это ведет к вытеснению с рынка корпоративных и региональных заемщиков. В 2010–2012 гг. рынок государственных долговых обязательств вырос на 96,7%, в то время как рынок корпоративных обязательств увеличился на 48,8, а рынок регионального и муниципального долга сократился на 6% [7].

Словом, России самой придется решать немало проблем в своей долговой политике. И здесь многое будет зависеть от ситуации в мировой экономике.

Конечно, работа России как председателя G 20 будет вестись по более широкому кругу проблем имеющих особое

значение для формирования новой системы глобального регулирования. И одним из них будет вопрос о более активном участии в международных делах развивающихся стран, прежде всего партнеров России по БРИКС.

3. Россия и БРИКС

Для России БРИКС становится одним из важных механизмов поддержания своих геополитических амбиций в мире. При самых благоприятных прогнозах Россия в ближайшие 20 лет даже вместе с будущими членами Евразийского экономического союза (Казахстаном и Беларусью) не сможет дать более 5% мирового ВВП. Как следует из опубликованного в ноябре 2012 г. прогноза ОЭСР «Взгляд на 2060 год: Глобальное видение долгосрочного роста», на входящие в БРИКС Китай и Индию в 2060 г. будет приходиться 46% мирового ВВП (по ППС). Это больше, чем суммарно будут давать США, Япония и государства еврозоны. По данному показателю Китай превзойдет США уже в 2016 г. [13].

Иными словами, даже очень условное сложение российского потенциала с потенциалом Китая и Индии, а также Бразилии и ЮАР – это уже величина, с которой нельзя не считаться ведущим мировым державам и экономическим блокам. При этом существует опасность «не вскочить в последний вагон этого уходящего поезда».

У стран БРИКС сформировалась общая позиция по ряду

вопросов реформирования МВФС, прежде всего по реформе квот МВФ. Но даже маловероятная реализация предложения стран БРИКС по определению страновых квот на основе доли в мировом ВВП, причем рассчитанному на основе только ППС, мало что даст России.

Действующая формула расчета квот включает в себя четыре показателя: средневзвешенное значение ВВП (50% в формуле), открытость (30), экономическая изменчивость или вариабельность (15) и объем международных резервов (5%). При этом ВВП для этой формулы измеряется на основе рыночных обменных курсов (60% в определении ВВП) и на основе обменных курсов по паритету покупательной способности (40%). И если по показателю вариабельности большинство акционеров согласились с необходимостью его исключения, то по остальным согласованных решений пока нет. Окончательное решение по формуле формирования квот стран – акционеров Международного валютного фонда (МВФ), скорее всего, будет принято к саммиту глав государств G 20 в сентябре 2013 г.

Таблица 3

СТРАНЫ БРИКС: КВОТЫ В МВФ И ДОЛЯ В МИРОВОМ ВВП, %

<i>Страны</i>	<i>Доля в мировом ВВП (60% – по обменному курсу и 40% – по ППС)</i>	<i>Доля по квотам в МВФ</i>	<i>Ожидаемая доля по квотам в МВФ</i>
Россия	2,746	2,494 (2,73)	2,706
Бразилия	2,654	1,783 (1,4)	2,316
Индия	3,027	2,442 (1,91)	2,751
Китай	8,128	3,996 (3,72)	6,394
ЮАР	0,640	0,78 (0,86)	0,640

Источник: Данные МВФ (imf.org).

В то же время поддержка других стран БРИКС в случае их консолидированной позиции по вопросам реформирования системы квот может не только содействовать неформальному увеличению переговорной силы России в МВФ и других международных организациях. Кроме того, это может способствовать благоприятным для России решениям в области взаимного сотрудничества.

Другая проблема для России в БРИКС состоит в несимметричности ее экономического веса в самой БРИКС. До сих пор Россия играла ведущую роль во всех более тесных политических и экономических союзах, в которых она участвовала. Такой опыт сформировался еще во времена СССР, когда был СЭВ, а также в СНГ, ЕврАзЭС и Таможенном союзе. В БРИКС Россия наиболее тесно сталкивается с проблемой неравновесного партнерства, когда необходим поиск взаимоприемлемых форм взаимодействия, которые не ущемляли бы ее национальных интересов. И здесь важно не оказаться ведомой стороной, которой навязываются определенные решения и которая не получает ощутимых выгод от такого

партнерства.

В настоящее время происходит процесс институционализации БРИКС, причем наиболее активно он проходит в валютно-финансовой сфере. Существует инициатива, выдвинутая Индией на Делийском (2012) саммите БРИКС, по созданию многостороннего Банка развития (БР) БРИКС. Есть, однако, опасность, что этот банк не даст в экономическом плане существенного эффекта для России, так как сосредоточится преимущественно на долгосрочных многосторонних проектах и проектах в третьих странах. При этом Россия не будет играть существенной роли в принятии решений, для которого, вероятно, будет необходимо согласие всех членов Банка. На другие условия, например, количество голосов пропорционально доле в уставном капитале БР, Россия не согласится, так как не сможет внести существенные средства в капитал этого банка. Поэтому создание БР БРИКС будет иметь для России в основном геополитическое значение.

Большой экономический интерес для России, на мой взгляд, имело бы создание Банка международных расчетов стран БРИКС (БМР БРИКС), который стал бы сильным защитным механизмом в возможных валютных войнах в мировой экономике. Значение такого банка возрастает в связи с хорошим потенциалом роста в мировой валютно-финансовой системе валют стран БРИКС, особенно юаня. В 2010 г. доля валют стран БРИКС в общем объеме мировых валютно-обменных операций (при базе для оценки в 200% из-за двой-

ного счета) составила уже 4,1% (в 1998 г. соответствующий показатель был всего 1%). БМР БРИКС позволит усилить роль рубля в международных расчетах, может ускорить его превращение в региональную валюту.

БМР БРИКС мог бы проводить многосторонние расчеты и платежи в национальных валютах, а также и кредитование временных дефицитов при таких расчетах. Нельзя исключить и возможность кредитования таким банком крупных компаний, нуждающихся в национальных валютах стран БРИКС для инвестиционных целей.

Усилению заинтересованности партнеров в БМР БРИКС способствовало бы то, если бы его уставный фонд полностью или в значительной части формировался за счет взносов в национальных валютах, где Россия может предложить сравнимый с Китаем вклад. Незаинтересованные страны БРИКС могли бы не принимать в нем участие. С другой стороны, в БМР БРИКС могли быть приняты и страны, не входящие в БРИКС, что также способствовало бы росту международного авторитета национальных валют стран БРИКС. Поэтому создание Банка международных расчетов БРИКС могло бы стать заметным шагом в изменении МВФС.

Еще одним аспектом активизации взаимодействия стран БРИКС является реализация идеи создания их совместного антикризисного фонда (АКФ БРИКС). Суммарный объем его средств может составить 240 млрд. долл., что позволит ему стать реальной альтернативой существующим междуна-

родным организациям – МВФ и Всемирному банку. Как известно, страны БРИКС в 2012 г. приняли решение об увеличении своего вклада в резервы МВФ на сумму примерно в 75 млрд. долл. (Китай – 43 млрд., Бразилия, Индия и Россия – по 10 и ЮАР – 2 млрд.), т.е. в 3 раза меньше возможных новых обязательств по АКФ БРИКС. Средства для МВФ пока только зарезервированы. Однако ответного отклика в виде положительного решения по поводу увеличения своих квот и соответствующего усиления своей роли в глобальном финансовом регулировании они не получили. Поэтому можно предположить, что создание АКФ БРИКС – это серьезный вызов развитым странам, занимающим ведущие позиции в МВФ, и новый поворот в реформировании МВФС. Кроме того, создание этого фонда будет привлекательно для внешних и внутренних инвесторов, так как является дополнительной гарантией стабильности развития стран БРИКС. А это приобретает особое значение в условиях нестабильности мировой экономики.

Вместе с тем есть другие соображения об АКФ БРИКС, которые связаны с трудностями и возможными негативными последствиями его создания. Дело в том, что не вполне понятно, кем и на каких принципах будет управляться фонд и сможет ли Россия эффективно отстаивать свои интересы в нем. Могут ли в него войти другие страны, и на каких условиях? Какие могут быть санкции, в случае несоблюдения отдельными странами БРИКС своих обязательств

по АКФ? Как будут строиться отношения АКФ и МВФ, и смогут ли отдельные страны БРИКС в случае необходимости пользоваться кредитами МВФ? Наконец, резервирование значительных средств в АКФ БРИКС может уменьшить потенциал для инвестиций, особенно для России, у которой и так имеется чрезмерное увлечение созданием разного рода резервов в ущерб проведению энергичных структурных реформ. Все это говорит о том, что вопросы создания антикризисного фонда БРИКС нуждаются в тщательной проработке и обсуждении экспертов.

* * *

Таким образом, Россия может значительно активизировать свое участие в глобальном регулировании финансовой сферы. Необходимо только правильно определять приоритеты своей политики и сосредоточивать усилия на их реализации. Не стоит также обольщаться завышенными ожиданиями и трезво оценивать свои возможности, иначе будет сильно разочарование в случае неудачи того или иного проекта. И, конечно, многое будет зависеть от реальных успехов в развитии самой российской экономики, от хода ее структурной перестройки и модернизации, а также от повышения эффективности управления, которое в нынешнем виде является одним из серьезных тормозов экономического развития.

Литература

1. В случае кризиса российские резервы закончатся за полтора года // РБК daily. 2012. 8 октября.
2. Высказывания А.Г. Силуанова в рамках интервью телеканалу «Россия 24» (<http://www1.minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id4=17897>).
3. Выступление Медведева в Давосе: О рисках для российской экономики, гражданском обществе и глухоте Запада (http://www.newsru.com/finance/23jan2013/davos_medvedev_speach.html).
4. Исследование оттока капитала: Показатели реального оттока капитала из России завышены как минимум вдвое и многие стереотипы об оттоке неверны (<http://rdif.ru/fullNews/263/>).
5. Кувшинова О. Почему капитал бежит из России и как это влияет на экономику // Ведомости. – 2012. – 15 октября.
6. Международный валютный БРИКС (<http://www.gazeta.ru/financial/2012/11/10/4847885.shtml>).
7. Объем длинных денег в экономике РФ составляет 8% ВВП, в среднем по миру – 120% ВВП (<http://www1.minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id4=17892>).
8. Основные направления государственной долговой политики Российской Федерации на 2013–2015 гг. – М.: Минфин РФ, 2012.

9. Платежный баланс Российской Федерации (<http://www.cbr.ru/statistics>).

10. Потенциал роста. Исследование инвестиционной привлекательности России. Ernst & Young, 2012 ([http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/RAS_2012_RUS/\\$FILE/RAS_2012_RUS.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/RAS_2012_RUS/$FILE/RAS_2012_RUS.pdf)).

11. Российские резервы закончатся за 1,5 года в случае кризиса (<http://lenta.ru/news/2012/10/08/reserve/>).

12. Сценарные условия долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года (http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20120428_0010).

13. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 268-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части использования нефтегазовых доходов федерального бюджета» (см.: www.garant.ru).

14. Looking to 2060: A Global Vision of Long-term Growth. OECD Economic Policy Papers. November 2012. N 3.

Концепция устойчивого развития «зеленой экономики»: возможности реализации в России

Г.В. Сдасюк

Сдасюк Галина Васильевна – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

2012 год стал важной вехой в стремлении общества выйти из многосторонних, углубляющихся кризисов и перейти к устойчивому развитию. В июне этого года в Рио-де-Жанейро состоялась третья мировая конференция ООН по устойчивому развитию («Рио+20»). Она подвела итоги 20-летия со времени также состоявшейся в Рио конференции ООН 1992 г., когда была принята концепция устойчивого развития (КУР) – стратегия, необходимая для выживания цивилизации. Конференция «Рио+20» ответила на вопрос, почему не реализуются принятые рекомендации по переходу к устойчивому развитию и каковы средства выхода из углубляющихся кризисов.

В качестве новой парадигмы развития выдвинута концепция устойчивого развития «зеленой экономики» (КУРЗЭ). Доклад ЮНЕП (United Nations Environment Program) «Зеленая экономика на путях перехода к устойчивому развитию»

и искоренению бедности», подготовленный к «Рио+20», содержит основные положения КУРЗЭ [19]. Новая парадигма развития имеет актуальнейшее значение для нашей страны, где стоит задача «преодолеть технологическое отставание, вступить в инновационный цикл развития, создать новую экономику» [11].

Давос: Признание необходимости смены модели «устаревшего капитализма»

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. казался преодоленным, но уже к весне 2011 г. стали проявляться его рецидивы. Со второй половины 2011 г. разразился долговой кризис в странах Европейского союза с эпицентром в Греции, который пока не удается преодолеть. Растет государственный долг США, превышающий объем ВВП страны (16,015 трлн. долл., сентябрь 2012 г.). Эксперты предупреждают о возможном приближении второй волны кризиса.

Одним из знаменательных событий, которым начался 2012 год, стал Всемирный экономический форум (ВЭФ) в Давосе, Швейцария (23–27 января 2012 г.), куда собрались порядка 2600 представителей глобальной финансово-экономической и политической «элиты», включая 40 глав государств. Он был посвящен анализу кризисной ситуации мира и стал признанием необходимости глубоких изменений со-

временной модели экономического развития. Хозяин Давоса Клаус Шаб, открывая форум, сказал: «Решение проблем на основе устаревших и рухнувших моделей только зароеет нас еще глубже в провал... Мы вступили в эру глубокого изменения, срочно требующую нового осмысления вместо продолжения бизнеса привычным путем (business-as-usual). Капитализм в его нынешней форме не имеет места в окружающем нас мире»¹.

Лейтмотивом форума звучало признание, что капитализм XX в. терпит сокрушительное поражение в веке XXI. Признания – «нынешняя модель глобального развития нерациональна», «наступило время реформ устаревшего капитализма» – сопровождалась выводами о необходимости глобальной перестройки, усиления социальной направленности развития. Правда, эти признания не сопровождалась конкретизацией задач и определением новых форм деятельности. Безответным осталось предположение бизнесмена Д. Рубинштейна, что, «возможно, нам стоит чему-то поучиться у Китая и тех государств, чей путь до этого считался идеологически неверным»². Представители российского крупного бизнеса, обогащающиеся и в годы кризиса, редко участвовали в дискуссиях.

Признание необходимости решения социально-экономических вопросов в Давосе практически не связывалось с про-

¹ <http://hotair.com/headlines/archives/2012/01/23>

² <http://top.rbc.ru/economics/30/01/2012/635313.shtml>

блемами обострения природно-экологического кризиса и с задачами перехода к устойчивому развитию. Однако этому посвятил свое выступление в Давосе Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, призвавший сосредоточить усилия на переходе к устойчивому развитию: «...мы должны сделать все, чтобы спасти нашу планету, оживить нашу экономику, уменьшить социальную несправедливость, социальное неравенство – это требования из многих стран развитого и развивающегося мира... поэтому мы должны направлять капиталовложения в устойчивое развитие, поэтому ООН считает устойчивое развитие высшим приоритетом».

В мире распространяются «разочарование в преобладающей экономической парадигме, беспокойство, связанное со многими одновременно протекающими кризисами и недостатками рынка, которые проявились в первое десятилетие нового тысячелетия». Вывод «Рио+20»: *необходимо «фундаментальное переосмысление существующих подходов к развитию»* [18, р. 37]. *В качестве новой модели развития выдвигается концепция «зеленой экономики»*³.

³ Понятие «зеленая экономика» все более широко распространяется в последние годы. С 2006 г. в Оксфорде публикуется международный журнал «Зеленая экономика». Идея «зеленой» экономики обсуждается не только в академических кругах, но и на политических форумах. О «зеленой экономике» говорится, например, в совместных заявлениях «Большой двадцатки».

Концепция «зеленой экономики»: Ответ на вызовы многосторонних кризисов

Итоги 20-летия со времени принятия мировым сообществом в 1992 г. концепции устойчивого развития оказались негативными. Хотя отдельные страны достигли значительных успехов в переходе к устойчивому развитию, тенденции развития, противоположные этой концепции, господствуют, кризисная ситуация обостряется. В докладе ЮНЕП констатируется: «Несколько одновременно протекающих кризисов возникли или ускорились в течение последнего десятилетия: кризисы изменения климата, биоразнообразия, топлива, продовольствия, воды, а также в последнее время – финансовой системы и экономики в целом» [19, с. 8]. Мир продолжает движение по неустойчивому пути развития. Это сопровождается деградацией всех природных систем жизнеобеспечения, усилением неравенства между странами и районами, усугублением многосторонних кризисов.

В качестве главной причины разрыва между знанием, многочисленными научными программами и практической деятельностью «Рио+20» определяет «недостаток политической воли». «Устойчивое развитие, несомненно, пострадало от недостатка политической воли. Трудно приводить доводы против принципа устойчивого развития, но стимулы к его реализации на практике ограничены, поскольку наши меры,

политика и институты несоразмерно ориентированы *на ближайшую перспективу*» (курсив мой. – Г.С.) [18, с. 4].

Переход к устойчивому развитию – долговременный процесс, ориентированный на обеспечение благополучия ныне живущих и *будущих поколений*. Относительно ограниченный во времени *горизонт политического видения* проблем развития не совпадает с масштабами *долговременных процессов* устойчивого развития. Это объясняет, почему концепция устойчивого развития находится на периферии национальных и международных дебатов по вопросам экономической политики. «Большинство ответственных за принятие экономических решений продолжают считать, что устойчивое развитие не входит в число их основных обязанностей в области макроэкономического управления и других направлений экономической политики» [18, с. 5].

Чтобы ввести концепцию устойчивого развития в орбиту практической деятельности и изменить отношение к ней лиц, принимающих решения, «необходимо перенести парадигму устойчивого развития в плоскость экономических показателей. Это сильно затруднит попытки политиков и ответственных за определение политического курса игнорировать его» [7, с. 5].

Материалы «Рио+20» содержат главный вывод: *чтобы добиться устойчивости, необходимо преобразовать глобальную экономику*. Модель «зеленой экономики» предлагается мировому сообществу как выход из многостороннего гло-

бального кризиса. Соглашаясь с принципами и основными положениями концепции устойчивого развития, КУРЗЭ, отличается конкретизацией. Ее суть – обоснование *необходимости структурной трансформации экономики как ведущего фактора перехода к устойчивому развитию, искоренению бедности, увеличению социальной справедливости.*

Анализ причин усугубления глобальной ситуации приводит к выводу, что *главным фактором кризисных процессов является нерациональное распределение капитала (capital misallocation).* «Хотя причины этих кризисов различны, они имеют фундаментальное сходство: громадную нерациональность распределения капитала. В течение двух последних десятилетий большие средства вкладывались в недвижимость, добычу ископаемых видов топлива и структурированные финансовые активы с производимыми доходами, но сравнительно мало – в развитие возобновляемой энергетики, повышение энергоэффективности, общественный транспорт, устойчивое сельское хозяйство, охрану экосистем и биоразнообразия, земли и воды» [19, с. 8].

В России, более 20 лет идущей по пути либерального реформирования, нерациональность распределения капиталовложений усиливается. В стране большие средства вкладываются в недвижимость (включая зарубежную), расширяются финансовый сектор (получивший наибольшую государственную поддержку в период кризиса) и торговля. Добыча углеродного топлива и зависимость от минерально-сырье-

вого экспорта увеличиваются на фоне упадка обрабатывающих производств. *Декларируемая в России политика модернизации и инноваций должна рассматриваться в контексте КУРЗЭ.*

Основные направления перехода к «зеленой экономике»

Цель КУРЗЭ – переход от истощительного природопользования, базирующегося на углеродной, «коричневой» энергетике, к «зеленой» экономике рационального природопользования с упором на использование возобновляемых ресурсов.

Исходные позиции КУРЗЭ строятся на аксиоматических представлениях о том, что невозможно неограниченное потребление невозобновляемых природных ресурсов, что усиливающееся истощение ресурсов и антропогенное загрязнение окружающей среды угрожают приближением к порогу необратимых изменений.

Эти исходные позиции определяют следующие *основные направления перехода к «зеленой экономике»* :

- снижение ресурсоемкости производств;
- «озеленение» ключевых секторов экономики – рационализация природопользования;
- повышение энергоэффективности и увеличение использования возобновляемых источников энергии;

– распространение малоотходных и безотходных технологий;

– переработка отходов.

«Зеленая экономика» рассматривается как *основа социально-экологического прогресса*: она «повышает благосостояние людей, обеспечивает социальную справедливость и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и экологическое обеднение» [19, с. 9].

В Докладе ЮНЕП опровергаются широко распространенные мифы о том, что 1) эффективность экономики и устойчивое природопользование взаимно противоположны и одно достигается за счет другого; 2) «зеленая экономика» отвечает интересам только развитых стран.

Целостность восприятия мегасистемы «общество–природа–экономика» и интегральные индексы ее измерения

Мировоззренческая сущность концепции устойчивого развития – восприятие *целостности мегасистемы «общество–природа–экономика»*. Эта целостность определяет содержание оценки результатов развития как *сочетания экономического, природного и человеческого капиталов*. Для измерения реальных тенденций развития и его регулирования необходимо использовать *интегрированные индикаторы*. Традиционные показатели ВВП и другие экономические

данные односторонне отражают процесс развития. В докладе ЮНЕП подчеркивается, что ВВП и другие привычные экономические показатели – это «искажающие линзы», не отражающие насколько экономическая деятельность истощает природный капитал.

Об этом свидетельствует сопоставление объективных данных. За последнюю четверть столетия объем мировой экономики вырос вчетверо, что повысило уровень жизни сотен миллионов людей. Однако экономический успех достигнут в основном за счет истощения природных экосистем в объемах, превышающих их возможности регенерации. *Мировые экосистемы подверглись за этот период деградации на 60%*. Некоторые экосистемы (например, морские биоресурсы) приблизились к порогу необратимых изменений [17].

Природные и социальные изменения, воздействующие на экономическое развитие, обычно рассматриваются как «внешние факторы» (external variables). При объективном отражении реальности они должны учитываться как составляющие целостного социо-эколого-экономического процесса развития.

Интегральные (агрегированные) индексы, сочетающие производственно-экономические, социально-демографические и природно-экологические показатели, разрабатываются уже длительное время. Хотя пока не существует общепринятой системы агрегированных индексов, учреждения ООН, Всемирный банк, МВФ, отдельные страны используют систе-

мы такого рода. Статистический отдел Секретариата ООН разрабатывает Систему экологической и экономической отчетности (System of Environmental and Economic Accounting – SEEA). Задача состоит в совершенствовании оценки в денежном эквиваленте изменений природного капитала, что должно отражаться в национальных счетах. Разрабатываются методы «зеленого учета» и «всестороннего учета богатства» (inclusive wealth accounting). Всемирный банк использует такие показатели при оценке истинных сбережений или скорректированных чистых национальных накоплений.

По официальным данным, до кризиса ежегодный рост ВВП в России достигал 6–7%. Но по данным Всемирного банка, при экологической коррекции (учете истощения природного капитала, загрязнения окружающей среды) изменения в этот период оцениваются как негативные – *минус 10–13%*⁴. Российская статистика не включает интегральные показатели, отражающие реальное состояние и тенденции развития страны и ее районов. В то же время важность их использования подтверждают отечественные исследования. Так, расчеты показали, что стоимость ущерба, причиняемого загрязнением окружающей среды здоровью населения, сопоставима с 4–6% ВВП. На Урале (в Свердловской и Челябинской областях), в Кемеровской области этот показатель

⁴ Данные приводятся по статье С.Н. Бобылева «Российские экономические реформы и пути перехода от антиустойчивого к устойчивому развитию» // *Природопользование и устойчивое развитие: Мировые экосистемы и проблемы России*. – М., 2006. – С. 295–306.

поднимается до 8–10% ВВП [1], что свидетельствует о крайнем социально-экологическом неблагополучии, связанном с загрязняющими, «коричневыми» производствами.

В России уровень статистического учета и его достоверность понизились после принятого в 2004 г. решения подчинить Росстат Министерству экономического развития, когда за политику в области статистики перестал отвечать профессиональный статистический орган. Академик О. Богомолов и профессор В. Симчера пишут: «Очевидная истина заключается в том, что у нас нет надежной государственной статистики, а тем более основанного на ней серьезного социально-экономического анализа уровня жизни населения и социального расслоения общества. Это следует сказать и об экономической статистике в целом. Государственный корабль, находящийся в бурных водах внутреннего и глобального кризисов, лишен надежных навигационных приборов, без которых трудно выбрать правильный курс. Их срочно нужно приводить в порядок... Преобразовать и модернизировать Россию в условиях отсутствия достоверных статистических показателей или их подтасовывания не удастся. Ее обновление требует честной реалистичной оценки ситуации, правдивой и доступной народу информации о положении дел в экономической и социальной сфере» [2]. ***Слабость информационного обеспечения противоречит национальным интересам России.*** Для оздоровления народнохозяйственного организма страны необходим безошибоч-

ный диагноз, основанный на анализе адекватной информации.

В России главные *составляющие национального капитала* – *социально-демографический, экономический, природный* – *находятся в чрезвычайной дисгармонии*, что определяет неустойчивый характер развития и требует изменений.

Природный капитал страны уникален по богатству и разнообразию топливно-энергетическими, водными, лесными и другими природными ресурсами. Однако минерально-сырьевая база наиболее развитых районов в значительной мере истощена. *География оскудения ресурсов России расширяется*. Предстоит освоение ресурсов в отдаленных, труднодоступных районах Восточной Сибири, Дальнего Востока, Арктики, что требует колоссальных капиталовложений и где особенно велики экологические ограничители хозяйственной деятельности. Возобновляемые природные ресурсы – лесные, почвенные, водные, биологические – в наиболее развитых районах находятся в стадии деградации.

Экономический капитал России поныне не достигает уровня 1990-го года. «Фактически мы пережили масштабную деиндустриализацию. Потерю качества и тотальное упрощение структуры производства» [11]. В стране разрушены отрасли обрабатывающей промышленности, скрепляющие звенья народнохозяйственного комплекса. Ставится задача «выхода на докризисный уровень ВВП» к 2012 или к 2014 г., но при этом не упоминается, что этот уровень ниже

дореформенного уровня 1990 г.

Уровень 2008 г. по отношению к 1990 составлял: по промышленной продукции – 88,2%, сельскохозяйственной продукции – 68,0, капиталовложениям – 62,7% [13]. По данным Ростехнадзора, российская техносфера находится в аварийном состоянии: уровень износа оборудования российских АЭС – 60–80% (в среднем на них происходит более 40 аварий в год), химических заводов – 60–100%, нефтеперерабатывающих предприятий – 80%, предприятий угольной и горнодобывающей промышленности – 80–95%. Недофинансирование народного хозяйства в течение последних 20 лет привело к старению основных фондов, что влечет аварии и катастрофы.

Российский *человеческий капитал* находится в опасном состоянии. Численность населения России неуклонно сокращается. С 2002 по 2010 г. она уменьшилась на 2,3 млн. и составила 142,9 млн. человек. По величине демографического потенциала Россия опустилась с седьмого на восьмое место в мире, и это движение по нисходящей продолжается. Усиливаются тенденции старения и генетической деградации при нарастании эмиграции высококвалифицированных кадров. Нашу страну называют «исчезающей великой державой». Экстремальна социальная поляризация населения, и она усиливается. В проекте государственной программы РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (2011), на основе оценок МВД констатирует-

ся, что в стране растет социальная напряженность, расширяются маргинальные слои, увеличиваются алкологизация населения и криминализация общества. Это связано со снижением авторитета государственной власти, высоким уровнем коррупции, «декларативностью мер политических элит», их бесконтрольностью [10].

Десять ключевых секторов «зеленой экономики»

Результаты макро моделирования, проведенные по заказу ЮНЕП, приводят к выводу, что переход к «зеленой экономике» требует ежегодных вложений в объеме 2% ВВП. Это создает возможность решения жизненно важных проблем противостояния деградации природно-экологических систем, искоренения бедности и перехода к устойчивому развитию. При этом ожидается, что через пять–десять лет экономический рост ускорится по сравнению с обычным ходом развития. Потенциальные источники финансирования перехода к ЗЭ – отмена или сокращение государственных субсидий на добычу ископаемого топлива, химизацию сельского хозяйства, рыбную ловлю, нерациональное использование водных и других природных ресурсов. Приводимые расчеты заслуживают внимания при разработке программы модернизации России, при оценке потенциала «озеленения» в контексте мировых тенденций развития.

Энергетическая, водная и продовольственная проблемы составляют **приоритеты глобального развития**. С ними связано (прямо или косвенно) развитие десяти секторов, которые рассматриваются как ключевые для «озеленения» экономики в целом. Эти секторы имеют многосторонние связи с другими отраслями, они тесно взаимосвязаны с социально-экономическим и природно-экологическим состоянием территорий. «Стратегия, предусматривающая перевод на “зеленые” рельсы ряда ключевых секторов экономики, учитывает возможную синергию и стимулирует долгосрочный рост, позволяя решить проблему дефицита ресурсов» [7, с. 25].

Десять секторов, имеющих высокий *зеленый потенциал*, играют ключевую роль в многоотраслевом «озеленении» всей экономики: 1) энергоснабжение; 2) энергоэффективность; 3) сельское хозяйство; 4) строительство; 5) рыболовство (включая сокращение мирового флота); 6) лесное хозяйство; 7) туризм; 8) транспорт; 9) переработка отходов; 10) управление водными ресурсами (включая очистку). В России эти секторы имеют значительный «зеленый потенциал», подлежащий освоению.

Повышение энергоэффективности – магистральный путь перехода к ЗЭ

В России, крупнейшей энергетической державе мира,

первостепенного внимания заслуживает рассмотрение перспектив развития энергетического хозяйства. При этом должны учитываться мировые энергетические тенденции, включая программу ООН «Устойчивая энергетика для всех», осуществляемую с 2012 г. В программе определены цели, которые должны быть достигнуты к 2030 г.:

- обеспечение всеобщего доступа к современным энергетическим услугам;
- снижение интенсивности мирового энергопотребления на 40%;
- увеличение доли возобновляемых источников энергии до 30%.

Россия, занимающая первое место в мире по запасам природного газа (23% достоверных мировых ресурсов), является и его крупнейшим мировым экспортером, поставляющим 25% газа на мировом рынке. Гораздо скромнее – восьмое место по нефтяным ресурсам (12% достоверных запасов). Разведанные запасы нефти – 21,7 млрд. т, из которых только половина технически доступна и экономически рентабельна. Имея ограниченные запасы нефти, Россия занимает лидирующие позиции по объему добычи сырой нефти, обеспечивая 12% мировой торговли нефтью и уступая по этому показателю только Саудовской Аравии (а в некоторые годы и обгоняя ее). В сумме на газ и нефть приходится 81,6% (2010) общего производства первичной энергии России. ***Вывоз углеводородного топлива превышает три четверти экспортных***

доходов страны.

Энергетическая «моноспециализация» российского хозяйства произошла в результате распада СССР и последовавшей *деиндустриализации* – беспрецедентного в мирное время экономического упадка 1990-х годов, особенно тяжело поразившего обрабатывающую промышленность и сельское хозяйство.

Энергетическая стратегия России на период до 2030 г., утвержденная правительством 13 ноября 2009 г., предусматривает дальнейшую интеграцию в мировую энергетическую систему. В ней подчеркиваются особенно значимые «позиции страны на мировом рынке углеводородов», но при этом практически не учитываются новые принципы «озеленения» энергетики и цели, которые ставятся Энергетической программой ООН. В российской программе определяется: «Стратегической целью внешней энергетической политики является максимально эффективное использование энергетического потенциала России для полноценной интеграции в мировой энергетический рынок, укрепления позиций на нем и получения наибольшей выгоды для национальной экономики».

Для обслуживания функций энерго-сырьевого придатка в России ведется крупномасштабное строительство трубопроводов. *Прокладка ориентированных на экспорт трубопроводов представляет главный и почти единственный вид крупномасштабного промышленного строительства в Рос-*

сии. Расширяющаяся система трубопроводов все сильнее привязывает российское хозяйство к зарубежным рынкам. Трубостроительство, поглощающее основной объем капиталовложений страны, тормозит модернизацию всех других секторов хозяйства.

Работа громадной трубопроводной сети требует бесперебойного обеспечения нефтью и газом. К этому обязывают заключенные международные соглашения. Однако это все более осложняется, поскольку *сырьевая база России истощается и качественно ухудшается*. В Энергетической стратегии в качестве одной из основных проблем развития признается «отставание ежегодных объемов прироста запасов топливно-энергетических ресурсов, осуществляемых за счет геологоразведочных работ, от объемов добычи топливно-энергетических ресурсов». Это сочетается с низким коэффициентом извлечения нефти в России – 28–30%, в большинстве нефтедобывающих стран он достигает 50–70%.

Ситуация с развитием производства газа в России более благополучна, но и она осложняется меняющимися внутренними и внешними факторами. Высокопродуктивные, залегающие на небольших глубинах запасы газа истощаются. Прогнозные ресурсы газа оцениваются в 164,2 трлн. м³, в том числе на континентальном шельфе России – 63,8 трлн. м³. Запасы газа главных западносибирских месторождений (Медвежье, Уренгойское, Ямбургское) выработаны на 65–75% – они перешли в стадию активно падающей добычи. По-

вышается доля сложных и трудно извлекаемых запасов.

В России перерабатывается всего 10–11% добываемого газа. В США эта доля составляет 78%, в Канаде и Иране добываемый газ перерабатывается практически полностью. По уровню потребления продукции нефтегазохимии мы отстаем от Китая, Индии, Южной Кореи и всех промышленно развитых стран.

Благодаря технологическому прогрессу США приступили к массовому производству сланцевого газа и заняли позицию мирового лидера, достигнув в 2009 г. объема добычи в 745,3 млрд. м³ газа против 582,9 млрд. м³, произведенных в России. Добыча из нетрадиционных источников (сланцевого газа, метана из угольных пластов) поднялась в США с 10% в 1990 до более 40% в 2009 г. и должна составить 60% к 2020 г. Конкуренция на мировом рынке возрастает. Действие этих факторов ведет к снижению российских доходов от углеводородного экспорта. Усугубляются угрозы, связанные с чрезвычайной зависимостью России от экспорта углеводородов.

Попытки увеличить внутреннее потребление газа *трудно реализуемы без структурных изменений экономики страны.* По мнению главного аналитика Московского энергетического форума «ТЭК России в XXI веке» А. Епишова, «запланированное повышение внутренних цен на газ может не сработать, – производство вне зоны ТЭК находится в глубочайшем кризисе. Инвесторы в Россию не спешат. За относи-

тельной макроэкономической стабильностью скрывается целый клубок проблем, главная из которых – отсутствие реальных структурных изменений и связанных с ними внутренних факторов экономического роста, неспособность правительства выстроить новую экономическую модель» [4]. Повышение внутренних цен на энергоносители тормозит и без того медленный рост экономики.

Демонтаж единой системы электроэнергетики страны: Усугубление проблем регионального развития

Результатом демонтажа ЕЭС России стала *ликвидация вертикальной интеграции генерирующей и сетевой деятельности*. РАО ЕЭС была раздроблена на 23 независимые компании, две компании – ОАО «РусГидро» и ОАО «Концерн Росэнергоатом» – остались в государственном владении. Почти половина электростанций и 22 сбытовые компании перешли в частную собственность.

Между тем электроэнергетика как наиболее универсальная форма энергетической инфраструктуры оказывает прямое воздействие на социально-экономическое развитие на всех уровнях – от макрорегионального до локального. Ее состояние в России вызывает большое беспокойство. Этой проблеме было посвящено заседание президиума Госсовета РФ 11 марта 2011 г. с повесткой дня «О повышении устойчи-

ности функционирования электроэнергетического комплекса». Тогдашний Президент РФ Д.А. Медведев подчеркнул, что вопрос о состоянии электроэнергетики в России «превратился в наиважнейший. Это вопрос номер один ... у нас с этим все очень и очень сложно... Реальной угрозой нашего экономического роста стало увеличение цен на электроэнергию» [3].

Скачкообразный рост тарифов на электроэнергию тормозит экономическое развитие. Если эта тенденция сохранится, по словам Д.А. Медведева, «к 2014 году цена на электроэнергию в России будет выше, чем в США, Финляндии и ряде других стран». *Углубление межрегиональных диспропорций развития в большой мере связано с резкими различиями тарифов на электроэнергию (в 2–3 раза и более) между субъектами РФ.* По оценкам, 60% роста тарифов происходит на региональном уровне – в распределительных сетях и сбытовых компаниях, в результате деятельности многочисленных участников процесса передачи электроэнергии [3].

В «Энергетической стратегии» признается «несоответствие производственного потенциала топливно-энергетического комплекса мировому научно-техническому уровню, включая экологические стандарты». ТЭК – крупнейший поставщик загрязнения окружающей среды. Его гнетущее воздействие испытывают все компоненты экосистем.

Техногенные и социально-экологические риски в регионах нарастают – многие из них определяются состоянием

электроэнергетики. Известный эксперт по проблемам энергетики В.В. Кудрявый, главный оппонент политики реформирования электроэнергетики «по Чубайсу», констатирует, что дезинтеграция отрасли в результате реформы привела к повышенной аварийности: *«последние 10 лет российской электроэнергетики – сплошная череда аварий, подобных которым в советской электроэнергетике не было»* [5].

Комиссия экспертов, исследовавших причины беспрецедентной катастрофы 17 августа 2009 г. на крупнейшей в стране Саяно-Шушенской ГЭС, подчеркивает *опасное состояние, в котором находится энергетическое хозяйство страны в целом*. «Большинство причин аварии носит системный многофакторный характер, обусловленный коренными недостатками существующей системы организации и функционирования отечественной энергетики». Цель максимизации прибыли заслоняет приоритет безопасности и надежности природно-техногенных систем⁵.

Один из тяжелых пороков хозяйства России – его *чрезвычайно высокая энергоемкость*.

⁵ Более подробно см.: 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.